

ЛИЗИНГ реформа

ФАС России: реформа рынка лизинга придаст новый импульс конкурентной политике

В преддверии принятия законопроекта о реформе рынка лизинга в России Федеральная антимонопольная служба РФ (ФАС) провела исследование, которое позволило оценить состояние конкурентной среды на федеральном рынке лизинговых услуг и возможное влияние на него реформ, разработанных Минфином и Центральным банком России.

— исследование —

Главные задачи исследования в формулировках ФАС — оценить степень влияния установленных реформой «барьеров входа на рынок», а также степень влияния фактора государственного участия в капитале лизинговых компаний в контексте реализации реформ. Результаты исследования обобщены в аналитической записке за подписью и. о. начальника управления контроля финансовых рынков ФАС России Лилии Беляевой и советника первого заместителя председателя Банка России Сергея Моисеева, с которой удалось ознакомиться «Ъ».

По оценкам ФАС России, главным и, по сути, единственным барьером входа на рынок, который устанавливается законопроектом, является требование к минимальному размеру собственных средств лизинговой компании. Этот порог будет прямо пропорционально зависеть от размера активов компании, а переходный период до 2020 года предполагает постепенное увеличение размера собственного капитала до 70 млн руб. для крупнейших игроков с балансовой стоимостью имущества свыше 500 млн руб., а для лизинговых компаний с меньшей стоимостью активов — до 20 млн руб.

Исходя из этого ФАС и провела свое исследование, в ходе которого служба воспользовалась данными Росфинмониторинга о регистрации юридических лиц в связи с совершением ими лизинговых сделок. Из 2790 компаний, состоявших на учете, ответ на запрос ФАС представила 791 организация, из которых 686 официально декларировали, что в настоящее время занимаются лизинговой деятельностью.

Отсечение полумертвых

Анализ собранных службой данных показал, что в связи с принятием законопроекта 254 компании не будут соответствовать минимальному требованию к размеру соб-

ственных средств (их собственный капитал сегодня не превышает 10 млн руб.). Несмотря на то что таких компаний среди опрошенных довольно много — 37%, на их долю приходится всего 9,5% лизинговых сделок и несущественный объем лизинговых платежей — 3,3%, свидетельствует аналитика ФАС. «Полученные данные позволяют судить о том, что часть компаний малого сегмента создана для осуществления нерегулярной лизинговой деятельности или обслуживания единичных клиентов», — говорится в аналитической записке ФАС по результатам исследования. В службе подчеркивают, что при внесении изменений в законодательство компании именно этого сегмента лизингового рынка понесут наибольшие издержки.

Второй значительный сегмент лизинговых компаний, который уместно назвать «средним» с размером собственных средств от 10 млн до 30 млн руб., насчитывает 106 организаций, что составляет чуть больше 15% опрошенных участников рынка. Число заключенных лизинговых договоров в этом сегменте оказалось еще меньше — всего 2,6% от общего количества, однако они получили 4,8% всех лизинговых платежей, говорится в документе. Эти компании обслуживают преимущественно узкий круг крупных клиентов, полагают специалисты службы, основываясь на данных мониторинга. В ФАС не исключают того, что принятие законопроекта потребует от этих компаний привести свою деятельность в соответствие с новыми требованиями или «перепрофилировать бизнес в форму аренды или продажи имущества в рассрочку».

В третьем, наиболее многочисленном сегменте — крупнейших лизинговых компаний, у которых размер собственного капитала и сегодня превышает установленные законопроектном минимальные пределы, — действуют 326 опрошенных ФАС компаний, что составляет почти полови-

ну от общего числа лизинговых компаний России (47,5%). На компании, чьи собственные средства превышают 30 млн руб., приходится наибольший объем лизинговых платежей — 1,203 трлн руб., или 91,9% от общего объема. Анализируя полученные данные, ФАС пришла к выводу, что предполагаемые изменения в законодательстве коснутся этого сегмента рынка «незначительно», учитывая то обстоятельство, что в крупнейших компаниях все новые требования уже практически выполнены: ведется отчетность по международным стандартам, организовано управление рисками, соблюдаются собственные внутренние нормы достаточности капитала. Лишь 74 компании (22,7%) в этом сегменте имеют собственный капитал менее 70 млн руб. и только 44 компании (13,5%) — ниже 50 млн руб., говорится в материалах ФАС.

В то же время почти треть крупнейших лизинговых игроков являются подразделениями еще более крупных финансовых холдингов. Больше 15% лизинговых компаний «крупного» сегмента входят в группы совместно с банками, еще около 20% организаций находятся в составе общих холдингов с другими лизинговыми компаниями, среди которых нередко присутствуют иностранные финансовые учреждения.

Что ни делай — гуще не будет

Оценивая состояние конкурентной среды на том или ином рынке, ФАС традиционно измеряет два ключевых показателя: коэффициент концентрации, отражающий суммарную долю трех крупнейших на рынке игроков, и индекс Херфиндала-Хиршмана, характеризующий степень монополизации рынка. Сегодня ФАС России оценивает лизинговый рынок по этим двум показателям как «низко концентрированный». Индекс Херфиндала-Хиршмана для отечественного рынка лизинга составляет всего 422 единицы (умеренная концентрация начинается с

1 тыс., а монополия возникает при 10 тыс.), а совокупная доля трех крупнейших игроков — «ВЭБ Лизинга» (11,9%), «ВТБ Лизинга» (9,4%) и «Сбербанк Лизинга» (6,9%) — не превышает 30%. «Отрыв следующего игрока от тройки лидеров составляет всего 0,7%, что свидетельствует о плотной конкурентной среде в сегменте крупнейших компаний», — говорится в аналитической записке ФАС по итогам исследования.

Чтобы оценить возможные последствия реформы, ФАС рассмотрела два гипотетических варианта развития событий. Первый предполагает, что все небольшие компании, которые не соответствуют установленным требованиям к собственному капиталу, уже на первом этапе переходного периода не войдут в реестр субъектов лизинговой деятельности, а их клиенты перейдут к лидеру рынка. Второй — когда по завершении переходного периода все лизинговые компании с объемом капитала менее 20 млн руб. будут вынуждены уйти с рынка, а их объем лизинговых платежей перераспределится в пользу крупнейшего участника.

В первом случае объем «миграции» лизинговых платежей был оценен ФАС в 42,8 млрд руб., во втором — чуть более чем в 100 млрд руб., однако в случае реализации обоих гипотетических сценариев конкуренция на рынке не претерпит значительных изменений. Расчеты ФАС свидетельствуют о том, что в первом случае индекс Херфиндала-Хиршмана увеличится на 88 и составит 510 единиц, а рыночная доля трех крупнейших игроков вырастет на 3,3% и достигнет 31,5%, что не превысит пороговых значений. В случае полной реализации второго сценария концентрация изменится чуть больше, но это все равно «не приведет к переходу рынка из состояния низкой концентрации в состояние умеренной концентрации»: индекс Херфиндала-Хиршмана увеличится на 230 и составит 651 единицу, а рыночная доля трех крупнейших игроков вырастет на 7,7% и достигнет 35,9%, говорится в материалах ФАС.

Надежда на импульс

По мнению аналитиков ФАС, большинство малых лизингодателей, для которых ли-

зинг является основным и регулярным бизнесом, не связанным с обслуживанием аффилированных лиц, будет заинтересовано в выполнении требований нового законодательства и сможет «органичным образом» увеличить размер собственного капитала до необходимого минимума за счет капитализации прибыли. ФАС не видит объективных препятствий для преодоления этого барьера у 91% опрошенных компаний, притом что оставшиеся 9% компаний не ведут активной лизинговой деятельности.

Для небольших компаний возможны и другие стратегии адаптации, например, в форме рыночной консолидации. Небольшие игроки могут реорганизоваться в форме присоединения или создать собственные лизинговые группы из малых компаний, что законопроект не запрещает. На рынке может появиться альтернативная услуга, зарекомендовавшая себя в других сегментах экономики, направленная на выполнение функций лизингового брокера. А в конечном счете, если руководство и собственники не захотят следовать новым правилам, они могут перейти в смежные виды бизнеса, такие как аренда и продажа имущества в рассрочку, принципиально отличающиеся от лизинга.

Анализируя общий план преобразований, в ФАС делают вывод, что «реформа придаст новый импульс конкурентной политике государства, поскольку сегодня нет полной ясности в отношении географического охвата, численности участников и объема рынка лизинга. Принятие законопроекта сформирует официальный перечень компаний и сделает доступной статистику рынка лизинга, которая позволит анализировать положение лизингодателей в продуктовых нишах. Реформа будет способствовать поддержанию справедливой конкуренции на рынке лизинга в части субсидий и других инструментов господдержки. Более здоровая конкурентная среда позволит, в свою очередь, обеспечить большую надежность участников рынка, поскольку государственные ресурсы смогут распределяться равномерно, не создавая зависимости от них отдельных компаний, считают в ФАС.

Алина Сергеева

«Государство должно видеть, кому оно помогает»

— административный ресурс —

Практика показывает, что «белый», легальный бизнес будет расти быстрее, чем компании, которые не захотели о себе публично заявлять. Более того, стоимость пассивов для «уклонистов» будет выше, соответственно, ценообразование вытолкнет их в более рискованный клиентский сегмент. Лизингодатели, получившие официальный правовой статус лизинговой компании, окажутся в более выигрышной конкурентной позиции. Аналогичные процессы мы наблюдали в микрофинансировании.

Повторюсь, мы не против маленьких компаний. Наоборот, именно для них мы сделали беспрецедентные условия по минимальному капиталу (крупных игроков это не беспокоит), по продолжительности переходного периода, в том числе и по переводу отчетности на международные стандарты учета. Исключительно для лизингового рынка в Банке России был создан экспертный совет по бухучету, чтобы облегчить подготовку и взаимодействие с регулятором. Ни для страховщиков, ни для пенсионных фондов, ни для микрофинансовых организаций таких уникальных условий не создавалось, хотя принимались гораздо более жесткие регуляторные решения. — Участники рынка опасаются того, что введение регулирования для лизинговых компаний коснется и их клиентов, прежде всего малых и средних предпринимателей. В частности, некоторые говорят о том, что увеличится количество документов, которые лизингодатели и их клиенты должны оформлять и предоставлять регулятору. Это так?

— Это какой-то миф. Счет-фактура, акт, договор и график платежей — этот исчерпывающий перечень документов для лизинговой деятельности как был, так и остался, никто не вмешивается в документацию и оформленные контракты. Если сама лизинговая компания захочет адекватно оценить риски своих клиентов, она может запросить у них любую управленческую отчетность или информацию. Но это связано с кредитной политикой лизинговых компаний, а не с проведением реформы, переходом на новый план счетов или отраслевые стандарты бухучета.

Если же речь идет об обмене информацией между лизинговыми компаниями и Банком России, то и в этом случае ни о каких «тоннах бумаги» не может идти и речи: документооборот осуществляется исключительно в электронной форме. Взаимодействие происходит через личный кабинет, программное обеспечение самостоятельно формирует данные и автоматически отправляет их на сервер Банка России. По гамбургскому счету я никаких проблем не предвижу.

Разговоры о сложности перехода на МСФО — мол, компаниям будет трудно делать дисконтирование денежного потока и прочее — из той же серии. На самом деле это надуманная проблема. Когда вы приходите в банк, вы же не сами рассчитываете график платежей по кредиту — для вас его делает менеджер банка. То же самое для своего клиента делает и лизинговая компания — вы

Советник первого заместителя председателя Банка России Сергей Моисеев убежден, что «живые» игроки рынка справятся с новыми требованиями регулятора

даст на руки все необходимые расчеты и графики платежей. Это международная практика, а цена вопроса — копеечная.

— Кстати, об обязательном переходе на единый план счетов. Зачем конкретно это делается?

— Сейчас в балансе лизинговой компании мы можем увидеть строку «кредиторская задолженность». А в чем она выражена? Это это — кредиты, облигации, займы у населения? Сейчас сторонний аналитик или инвестор понять этого не может, а в новом формате приведена подробная разбивка. Она необходима как самим компаниям, так и их аудиторам, кредиторам, контрагентам, чтобы не нужно было запрашивать дополнительную информацию или теряться в догадках. Любое заинтересованное лицо может взять баланс и увидеть важнейшие параметры бизнеса так же, как в отчете о прибылях и убытках видны расходы на аренду, на зарплату сотрудникам, на командировки, на рекламу и так далее. Это означает прозрачность, чего мы и добиваемся на рынке лизинга.

Прозрачность приведет к отделению зерна от плевел. Здоровые компании получат больше доверия, риск-премия по ним снизится, стоимость финансирования также упадет, произойдет расширение доступа к кредиту. «Рыночная дисциплина» со стороны кредиторов и инвесторов, а также, что не менее важно, со стороны государственных органов отсеет нездоровых игроков. Однако, чтобы решить проблему ложного выбора между здоровыми и несостоятельными лизингодателями, необходимо обеспечить прозрачность рынка.

— Как раз участники рынка и задаются вопросом, во сколько им такая прозрачность обойдется. В частности, все говорят о необходимости менять программное обеспечение... — Да, она стоит некоторых денег, но мне кажется, что масштабы затрат искажаются не-

которые участниками рынка. К примеру, я слышал заявления, что модернизация автоматизации будет стоить 24 млрд руб. Тот, кто это выдумал, очевидно, уже заранее знает, сколько компаний на рынке будет в 2021 году, сколько будет стоить программное обеспечение в 2021 году и т. д. Правда такова, что простейший корпоративный софт для небольших организаций стоит около 40 тыс. руб. в год. Если деятельность компании более сложная и унифицированное решение не подходит, то стоимость программного обеспечения растет и может превысить 1,5 млн руб. Если же у вас многофилиальная федеральная компания с децентрализованным управлением и учетом в регионах, то стоимость разработки и последующего внедрения подобных систем может достигать действительно больших сумм, как у любых крупных корпораций.

Мы, как регулирующий орган, не имеем права вмешиваться в коммерческие отношения участников рынка с поставщиками программного обеспечения, это их бизнес-интересы. Единственное, чем мы можем и готовы помочь, — проводить методические консультации, растянуть внедрение во времени, способствовать координации участников лизингового рынка с производителями программного обеспечения.

— Могли бы вы предположить, что было бы на рынке, если не проводить никаких реформ?

— А было бы следующее. «Серая» часть рынка продолжала бы процветать, поскольку для нее есть питательная среда. Отношение кредиторов и государства к отрасли оставалось бы настроенным, доверие было бы невысоким, а процентные ставки — не самыми привлекательными. В этих условиях доверие будет сохраняться только к компаниям с участием государства или дочерним компаниям крупнейших банков, за которыми опять же стоит государство. Бизнес частного сектора будет строиться только в силу аффилированности или наличия неформальных связей. Соответственно, возможность развития рыночного лизинга будет убывать со временем. В финале — государство с банками делит пополам лизинговый сектор.

Долгосрочные последствия — зависимость от состояния государственного бюджета и банков, процикличность, высокая концентрация рисков. Понятно, что такой рынок не может быть в долгосрочной перспективе эффективным и будет накапливать скрытые системные риски. А держателями рисков становятся Министерство финансов и Центральный банк. Первое будет отвечать за капитализацию компаний, прямо или косвенно связанных с правительством. Банк России — за санацию банков с неудачным лизинговым бизнесом. У нас уже есть конкретные примеры. Хотя на первый взгляд это кажется парадоксальным, но стратегическое решение — это развитие частного, независимого, диверсифицированного лизинга. Для него и предназначена реформа.

— Вы упомянули о «сером» сегменте рынка, о котором редко говорят публично. Что это такое? Как реформа будет ему противодействовать?

— К нам в Банк России и раньше приходила информация от Росфинмониторинга о том, что некоторые фирмы, именуя себя лизинговыми компаниями, на самом деле занимают сомнительными операциями. Неудивительно, что, когда началась подготовка законопроекта по реформе лизинга, коллеги из Росфинмониторинга активнее начали обращать наше внимание на лизинговые компании и просить учесть их выводы при подготовке законопроекта.

Сейчас мы получаем перечни компаний, которые реальной предпринимательской деятельности не ведут, имеют уставный капитал 10 тыс. руб. и под личиной лизинга занимаются бизнесом на грани легальности. Ежеквартально Росфинмониторинг инициирует судебные разбирательства. Не буду говорить о конкретных схемах, но, к сожалению, это факт. Другая значительная часть случаев — это передача имущества в лизинг аффилированным лицам исключительно для минимизации налогов. Отсутствие прозрачности в деятельности лизинговых компаний не позволяет вовремя выявить нарушения налогового законодательства, что на длительных периодах лизинговых контрактов вырастает в гигантские суммы штрафов и недоимок.

Такой, с позволения сказать, «бизнес» существует, но при уставном капитале 10 млн руб. открывать и закрывать десятки фирм уже будет как минимум накладно. Кроме того, если лизинговыми компаниям придется вводить в своих организациях систему риск-менеджмента, повышать эффективность внутреннего контроля, что тоже заложено в положениях реформы, то на рынке оптимизационных услуг вместо лизинга будет меньше. Для разработчиков проекта это не главная задача, а косвенный эффект от реформы, но и он будет положительным.

— На отечественном рынке лизинга активно развивается как финансовый лизинг, тяготеющий по своей природе к банковскому кредиту, так и операционный лизинг, более похожий на арендный бизнес. Могли бы вы разъяснить суть этого дуализма с позиции регулирующего органа? В чем смысл спора об их различиях и сходстве?

— В отличие от банков или страховщиков, для которых есть четкое международное определение вида деятельности, а операционные процессы хорошо регламентированы отраслевыми стандартами, в лизинге международная стандартизация отсутствует. Причин тому две. Во-первых, развитый рынок лизинга сложился в немногочисленной группе стран. Во-вторых, лизинг как инструмент финансирования приобретения активов родился искусственно под влиянием государственной политики стимулирования инвестиций в основные средства. Лизинг в глобальной экономике еще не настолько распространен, чтобы для него были разработаны международные стандарты. Каждая юрисдикция имеет собственное определение лизинга как вида деятельности и по-своему решает проблему упомянутого дуализма.

В прошлом с точки зрения учета операций действительно было различие между финансовым и операционным лизингом. Финансовый лизинг — это чаще всего длинные сроки контракта с выкупом имущества в собственность, операционный — как правило, короткие и средние сроки контрактов без выкупа имущества, говоря проще, аренда. Операционный лизинг, как правило, учитывался за балансом компании, тогда как финансовый лизинг компания предпочитала держать на балансе. За рубежом по МСФО лизинговое имущество должно было числиться у клиента. В России стороны договора могли самостоятельно решить, у кого числится имущество, поскольку это имеет налоговые последствия. В результате в России сложилась специфическая форма лизинга, отличная от международной практики. Новый стандарт МСФО де-факто ликвидирует аренду, он же операционный лизинг, как самостоятельное явление. Теперь любой лизинг и аренда становятся финансовой операцией: обязательства по лизингу — это финансовые обязательства, а лизинговые платежи приравниваются к процентным расходам.

Для российских компаний исправление зигзага истории — непростая задача, поскольку она влияет на экономичность сделки. Это объясняет, почему отдельные лизингодатели не хотят ни МСФО, ни устранения правового дуализма. Однако, на наш взгляд, новый подход будет экономически правильным и более понятным для всех контрагентов и регулятора.

— Смогут ли нынешние игроки рынка продолжать одновременно заниматься и лизингом, и арендой?

— Хочу подчеркнуть, что мы регулируем субъектов рынка, а не саму деятельность. Компании, которые занимаются лизингом, смогут заниматься и другими видами деятельности, включая аренду и продажу в рассрочку, законопроектом это не запрещается.

Арендой, по сути, может заниматься любое юридическое лицо, соблюдая установленные законодательные нормы и уплачивая налоги. Мы же не называем прокат лыж лизингом? Это товарная операция, а не финансовая. Проведение этого четкого водораздела, по нашему мнению, наконец-то сделает лизинг специальным защищенным инструментом инвестиций в средства производства, что, в свою очередь, будет позитивно влиять на экономику в реальном секторе, вести к долгосрочному росту ВВП и расширению налоговой базы для бюджета.

Безусловно, для этого необходимо упростить процедуру разрешения конфликтных ситуаций, о чем справедливо говорят участники рынка, чтобы в случае неплательщика лизингодатель мог без суда изъять объект лизинга из пользования клиента. Мы как раз в этом направлении движемся, что невозможно без создания прозрачности на рынке. Государство должно видеть, кому оно помогает и кого защищает.

Интервью взял
Алексей Екимовский